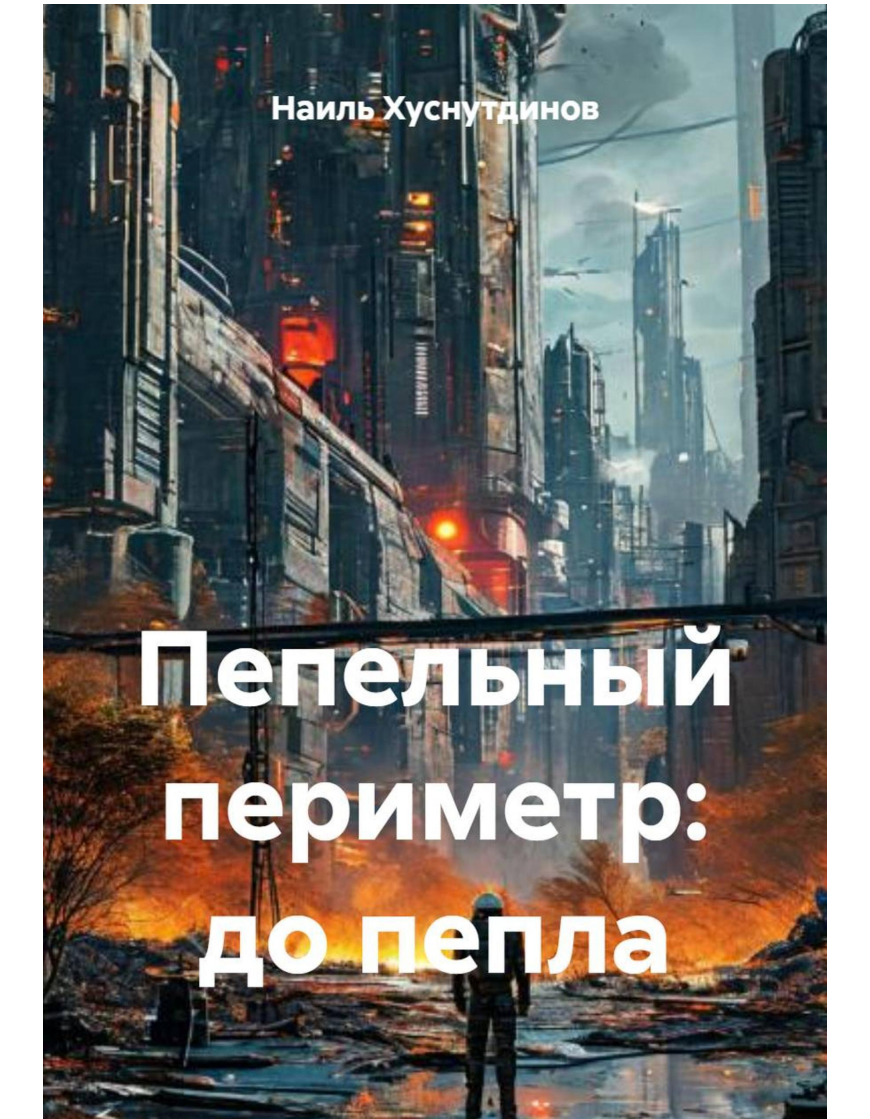

Наиль Хуснутдинов

Пепельный периметр: до пепла

Наиль Хуснутдинов

Пепельный периметр: до пепла

Серия «Пепельный периметр», книга 2

<https://litres.ru/73781942>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Пепельный периметр: До пепла» — приквел к серии в жанре научной фантастики и техно-триллера, раскрывающий происхождение колонии, архитектуру Ядра и причины аварии, изменившей весь мир цикла. В центре сюжета — молодой техник Артём, который сталкивается с закрытыми протоколами управления, ранними версиями имплантов и механизмом так называемой линии согласия.

Роман показывает, как последовательность прагматичных решений, служебных компромиссов и скрытых экспериментов постепенно приводит систему к точке перелома. Это история о рождении катастрофы, о власти технологий над человеком и о знании, за которое всегда приходится платить.

Наиль Хуснутдинов

Пепельный

периметр: до пепла

Пролог. Смена глубже нуля

Колония просыпалась через железо.

Сначала оживали магистрали воздуха. По верхним шахтам проходил тяжёлый утренний гул, и стены жилого слоя начинали едва заметно дрожать. Потом включались насосные линии водного пояса. Следом по внешнему кольцу шёл первый рабочий прогон – короткий, сухой, почти сердитый. Лишь после этого загорались общие экраны, открывались столовые, выходили смены, и огромный станционный корпус делал вид, что новый день начался сам собой.

Артём любил этот порядок.

В нём была правильная ясность. Пока люди ещё только собирались, станция уже работала. Гнала воздух, держала тепло, толкала воду, выравнивала давление, принимала на себя пепельный фронт снаружи и делала всё, чтобы внутри огромного металлического тела можно было жить.

Колония стояла на внешнем поясе давно. Для одних это место было домом. Для других – длинной командировкой, которая затянулась на годы. Для начальства – сложным объектом с добычей, переработкой, фильтрацией и тысячами

людей внутри. Для тех, кто работал на железе, всё выглядело проще: если кольцо держит фронт, климат даёт воздух, вода идёт по линии, а Ядро не орёт аварией в каждый второй канал, значит день можно считать удачным.

Артём работал на внешнем кольце.

Формально его должность называлась длинно и сухо: техник сервисной группы внешнего контура. По-человечески это значило простую вещь – он следил за тем, чтобы станция держала внешний контур и изнутри не сжирала сама себя через перегрузку, перекосы и чужую экономию на важных узлах.

Ему было проще думать руками.

Пальцы на металле сообщали больше, чем половина служебных пакетов. По дрожи корпуса он понимал, где линия идёт в натяг. По теплу кожуха мог угадать, какой блок начинает просить сервис раньше срока. По звуку шины – услышать, где автоматика пока держится, а где уже работает на упрямстве. В этом и была его главная ценность: станция для Артёма никогда не сводилась к красивой схеме на экране. Она жила как сложное железное тело, и он давно привык чувствовать её именно так.

Утро началось ровно.

Он прошёл жилой слой, свернул в служебный рукав, взял кофе в автомате у лифтового узла и спустился на внешний контур. По пути привычно отметил главное: свет в коридорах держался ровно, фильтрация не завывала, общая карта

висела чисто, без жёлтых пятен тревоги. Значит, ночью станция прошла спокойно.

На посту выдачи ему кивнул Илья с четвёртой смены.

– Тихо было, – сказал он, передавая планшет. – Восток только два раза дёрнулся по климату, потом выровнялся.

– Девятая? – спросил Артём.

– Она самая. Только уже без истерики.

Артём кивнул. Девятая опора любила напоминать о себе чаще других. Стояла на плохом ветровом плече, собирала нагрузку с кольца и постоянно жила на грани между нормальной работой и дурным характером.

Он взял планшет, расписался в приёме смены и вышел в сервисный пояс.

Снаружи, за толщей внешней обшивки, уже шёл пепельный день. Здесь его не видно, только чувствуется. Поле на кольце звучало плотнее. Вентиляция держала воздух суше. Металл под ладонью давал ту особую тяжесть, которая появляется, когда фронт пока ещё далеко, но станция уже знает, что сегодня ей придётся держать удар.

Артём шёл по обходу и проверял утренние точки.

Сначала узел климатической развязки. Потом боковую линию фильтрации. Потом насосное плечо под восточным сегментом. Он двигался быстро, без лишней суеты. На каждом посту касался корпуса, слушал звук, сверял показания, делал одну-две правки и шёл дальше. Так проходила большая часть его жизни на колонии – без героизма, без краси-

вых речей, без ощущения, что он участвует в чём-то великом. Просто работа, от которой зависело слишком многое, чтобы относиться к ней спустя рукава.

И именно эта простота его устраивала.

Артём не любил начальственные формулировки про миссию, устойчивость и стратегическую роль объекта. Всё это хорошо жило в верхних кабинетах, где воздух всегда чище и экраны показывают схему ровнее, чем она есть на самом деле. На кольце разговор был другой. Здесь люди держали станцию руками, ключами, инструментом, старым опытом и злостью на железо, которое в самый неподходящий момент норовило показать характер.

К полудню он уже стоял у смотровой ниши восточного сегмента.

Сквозь узкую армированную вставку виднелась внешняя дуга кольца. За ней шёл пепельный фронт – густой, мутный, тяжёлый. Казалось, будто сама пустота снаружи взбита в грязную взвесь и с силой идёт на станцию, проверяя каждую линию, каждый шов, каждую опору на прочность.

Артём посмотрел на девятую.

Старый корпус. Потёртая обшивка. Ручные фиксаторы прошлого класса. Ниже – свежая краска у нижнего щита, где недавно что-то меняли. Всё как обычно. Только внутреннее чувство на секунду кольнуло его в ту сторону, где схемы уже кончаются и начинается опыт.

Он подошёл к корпусу, положил ладонь на металл и при-

слушался.

Девятая работала ровно.

Слишком ровно.

Такой узел при таком фронте должен был давать мелкую дробь по корпусу, короткие нервные срывы ритма, тяжёлую отдачу по боковой шине. Вместо этого внутри сидела ровная, собранная работа, будто кто-то заранее пригладил железо и заставил его звучать чище, чем положено.

Артём чуть сдвинулся, заглянул под нижний край щита, потом выпрямился и молча посмотрел на служебную карту.

По общей схеме всё шло в норму.

Кольцо держало фронт. Климат шёл ровно. Восточный сегмент брал ресурс в допустимом коридоре. Внизу, между Е-3 и внутренним поясом, висело обычное серое пятно старой пустоты – выведенный из эксплуатации карман, который уже много лет никого не интересовал.

Только его пальцы на металле говорили другое.

Иногда станция вела себя так, будто под чистой картой жил ещё один слой. Более старый. Более прямой по железу и куда менее удобный для отчётов.

Артём задержался у девятой ещё на минуту, потом сделал в планшете короткую пометку и двинулся дальше.

Он давно усвоил простое правило: если узел пока держится, а доказательств у тебя только собственная кожа, шум под ладонью и дурное чувство в затылке, то сначала наблюдай. Потом трогай. Потом спрашивай. В обратном порядке на ко-

лонии часто теряли время, доступ и карьеру.

К вечеру фронт сел тяжелее.

Вентиляция увела воздух в более сухой режим. По жилым слоям прошёл первый служебный пакет о перераспределении нагрузки. В столовой говорили громче обычного. В диспетчерских каналах стало больше коротких, резких фраз. Для большинства людей это был просто сложный день на станции. Для Артёма – день, когда железо начинало говорить чуть откровеннее.

После основной смены он уже собирался подняться в жилой слой, когда наручный терминал мигнул срочным вызовом.

Экран вспыхнул белой строкой:

СЛУЖБА КОЛЬЦА / ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СМЕНА

КЛАСС: ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП

МАРШРУТ: НИЖНИЙ ТЕХПОЯС

СТАТУС: СРОЧНО

Ниже шла вторая строка:

СМЕНА: ГЛУБЖЕ НУЛЯ

Артём перечитал её дважды.

Формулировка старая. Из тех времён, когда нижние сервисные слои ещё называли по глубине, а не по сухому ин-

дексу на карте. Так говорили люди прежней школы. Они видели станцию целиком – с её скрытыми плечами, старыми буферами, архивными рукавами и ручными обходами, которые держали гораздо больше, чем признавали официальные карты.

Он поднял глаза.

В дальнем конце прохода, у шахты служебного лифта, уже стоял Романов.

Высокий, сухой, с планшетом на ремне и аварийным ключом в руке. Лицо у него было обычное для конца тяжёлого дня – усталое, жёсткое и собранное. Человек, который давно понял цену слов и потому тратил их только на дело.

Когда Артём подошёл ближе, Романов кивнул в сторону лифта.

– Живой? – спросил он.

– Пока да.

– Тогда пошли. Ниже нуля сегодня будет интересно.

Двери лифта разошлись с тяжёлым скрипом.

Артём шагнул внутрь и в последний раз посмотрел на верхний служебный слой – ровный свет, чистую схему, знакомые маршруты, ту станцию, которую знали почти все.

Потом лифт пошёл вниз.

И мир начал открываться с другой стороны.

Глава 1. Кольцо смены

Лифт шёл ниже обычного и дольше, чем любая дневная

смена.

Сначала за спиной остались жилые уровни с ровным светом и привычным гулом вентиляции. Потом ушли стандартные сервисные пояса, где каждая дверь ещё называлась своим именем и хотя бы делала вид, что живёт по общей карте. Ниже начался другой слой станции – теснее, грубее, суше по воздуху и прямее по железу.

Романов стоял рядом молча, держась за поручень. Планшет на ремне бился о бедро в такт движению кабины. Аварийный ключ в его руке выглядел как вещь, которую сегодня точно пустят в дело.

– Часто сюда гоняют внешку? – спросил Артём.

– Когда наверху ещё надеются, что дело можно закрыть руками, – ответил Романов.

Лифт дёрнулся в последний раз и выплюнул их в распределительный коридор нижнего техпояса.

Здесь уже пахло иначе: озоном, старым охлаждением, пеплом из сервисных тамбуров и той металлической сухостью, которая приходит к станции перед тяжёлым фронтом. За бронированным стеклом слева висела карта кольца. Сегменты мигали ровным янтарным светом. Два узла на востоке подсвечивались тусклее остальных.

У консоли их уже ждал Руденко. Он грыз пластиковый колпачок от маркера и смотрел на схему так, будто та задолжала ему пару лет жизни.

– Вот и кольцо, – сказал он, увидев Артёма. – Бери Е-3

и прихватывай кусок Е-4. Девятая опора врёт по фазе, на седьмой скачет обратка, а на двадцать второй линии опять пошёл тихий расход.

– Формально там пусто, – сказал Романов.

– По бумаге да, – ответил Руденко. – По железу – сам увидит.

Он ткнул пальцем в схему.

– Ветер идёт с юго-запада. Плотность взвеси растёт. До основного удара есть часа три, дальше поле начнёт жрать как бешеное. Диспетчерская дала лимит по мощности. Выбить сверху ещё кусок сейчас не выйдет, хоть об стену бейся.

– Двадцать вторая сидит на моём плече? – спросил Артём.

– Сидит. Формально как старый выведенный карман между Е-3 и внутренним поясом. По телеметрии – будто кто-то тянет питание через сервисный хвост. Хвост мелкий, только живой.

– Кто видел?

– Пока ты, я и цифры. Этого уже хватит, чтобы кто-то сверху начал нервничать.

Руденко вытащил колпачок изо рта и посмотрел прямо в глаза.

– Смотришь, пишешь, думаешь. В шкаф без головы не лезешь. Если картинка пойдёт совсем дурная – сразу в канал.

– Понял.

– И ещё. Если диспетчерские начнут вежливо объяснять, что тебе туда не надо, значит, туда точно надо смотреть вни-

мательнее.

Романов сухо усмехнулся.

– Хотя в чём-то у нас по станции порядок.

Артём взял маршрутный ключ, катушку сервисного во-локна, запасной фильтр, сканер поля и ушёл к южному шлюзу.

Тамбур встретил его привычной теснотой. На полу – сетка металла, в углу – короб с аварийными жгутами, на внутренней двери – слой серой пыли, который дежурные давно перестали счищать до конца. Он встал в центр разметки, поднял ворот защитного слоя и дал системе запереть себя между двумя створками.

Гул уплотнения прошёл через пол, через сапоги, через кости. Воздух в тамбуре стал суше. На внутреннем экране пробежала строка проверки: давление, герметичность, внешний фронт, ресурс фильтра, допуск по линии.

Последний пункт мигнул жёлтым.

Внешний контур. Условный допуск. Работа в пределах окна 03:20.

– Щедро, – сказал Артём вслух.

Наружная створка отошла с тяжёлым рыком.

Внешнее кольцо встретило его пеплом.

Он летел из-под защитного козырька широкими серыми полосами, шёл вдоль силовых балок, цеплялся за кабель-каналы и временами так густо заваривал воздух, что визор превращал мир в шумную рябь. Далеко слева, за линией опор,

мутно светилось поле – огромная дрожащая стена, державшая станцию против всего, что снаружи уже давно стало нормой. Небо сверху оставалось почти неподвижным. Живым в нём был только пепел.

Артём шагал вдоль сервисной дорожки, крепя ботинки к сетке там, где магнитный слой ещё держался. Под ногами вибрировало железо. Где-то глубже, за кожухами, гнали энергию на восточный сегмент. Перед глазами в левом углу визора ползли цифры расхода: температура, скорость ветра, остаток фильтра, локальное поле, ток нагрузки. Картина выходила терпимой. Для этой станции слово “терпимо” давно уже считалось почти похвалой.

Первая остановка – опора семь.

Он скинул боковую крышку, сунул сканер в сервисный разъём и дождался отзыва. Модуль поля выдал короткую пачку ошибок, потом успокоился и показал знакомую картину: фаза гуляет в узком коридоре, обратка дышит с задержкой, левый стабилизатор перегрет.

– Старый пёс, – пробормотал Артём, вытягивая кабель. – Ещё держишься.

Работал он быстро, по памяти. Перебросил питание через резервный жгут, приподнял фазу, снял налёт с контакта, сменил прокладку на клапане охлаждения. Пальцы двигались точно, без лишней суеты. Для внешнего контура спешка пахла могилой.

Пока он возился с опорой, по служебному каналу щёлкнул

ВЫЗОВ.

– Е-3, это дежурка. Ковалёв, как слышишь?

– Слышу.

– Седьмая?

– Жива. Врёт, дышит, матерится. Как обычно.

– Принято. Девятую бери сразу после. По востоку опять просадка.

– Это я и без вас вижу.

В ответ прошёл короткий шум, потом в канал вошёл другой голос. Более сухой, чужой, вычищенный до ровного металла.

– Техник Е-3, подтвердите, что маршрут двадцать два в ваш текущий обход не входит.

Артём выпрямился.

– Формально не входит.

– Тогда держите основной маршрут. Приближение к линии двадцать два сейчас нежелательно.

– А если она сидит на моём сегменте нагрузки?

Пауза затянулась на лишнюю секунду.

– Дальнейшие указания получите позже.

Связь оборвалась.

Артём несколько секунд смотрел в сторону дальнего плеча, где за пеленой пепла уходил кромочный кабель старой линии. На карте этот кусок кольца значился техническим хвостом, почти пустым. Когда диспетчерский контур начинал так торопливо отгонять людей от “почти пустых” мест,

где-то рядом уже лежала вещь, о которой имелось слишком много правды и слишком мало желания её озвучивать.

Он вернул крышку на опору семь и пошёл дальше.

Девятая встретила его хуже.

Стабилизатор тут уже вошёл в тот возраст железа, когда детали держатся на стыде, прокладках и памяти техников. Корпус дрожал под рукой, один из крепежей треснул по резьбе, внутренний блок охлаждения ловил кавитацию. Артём просидел с ней дольше получаса, выгрызая у времени минуты для сектора. Когда закончил, остаток рабочего окна съехал почти на сорок минут, а фильтр визора начал тянуть воздух с неприятным жёстким свистом.

– Красота, – сказал он и вышел из-за кожуха.

Порыв ветра ударил в бок так, что пришлось присесть и вцепиться рукой в сервисную скобу. Пепел пошёл плотнее. Далеко впереди, где кольцо сворачивало к старому транзитному карману, за шумовой завесой мигнул тусклый зелёный огонёк.

Слишком низко для опоры. Слишком ровно для случайной искры.

Артём прищурился, прибавил усиление на визоре. Картинка поплыла, потом собралась в силуэт сервисного шкафа на боковом ответвлении. На двери шкафа мигал локальный индикатор нагрузки.

На линии, которую по документам давно считали мёртвой.

Он замер, слушая, как в шлеме шумит дыхание. Потом вызвал Руденко.

– Мастер, Е-3.

Шум, треск, голос через помехи:

– На связи.

– Вижу живой индикатор на двадцать второй.

– Подтверди.

– Подтверждаю. Локальная зелень. Шкаф под током.

– Дистанция?

– Метров сто двадцать. Если пепел не сожрёт обзор, подойду за пять минут.

Руденко помолчал.

– Стой где стоишь.

– Если там идёт расход, он уже сидит на моём сегменте.

– Я сказал стой.

– А я тебе говорю: линия живая.

Помехи усилились. Где-то на заднем фоне прозвучал ещё один голос, тише, зато резче. Артём не разобрал слов, только тон – тот самый, которым люди говорят о вещах, которые проще спрятать, чем объяснить.

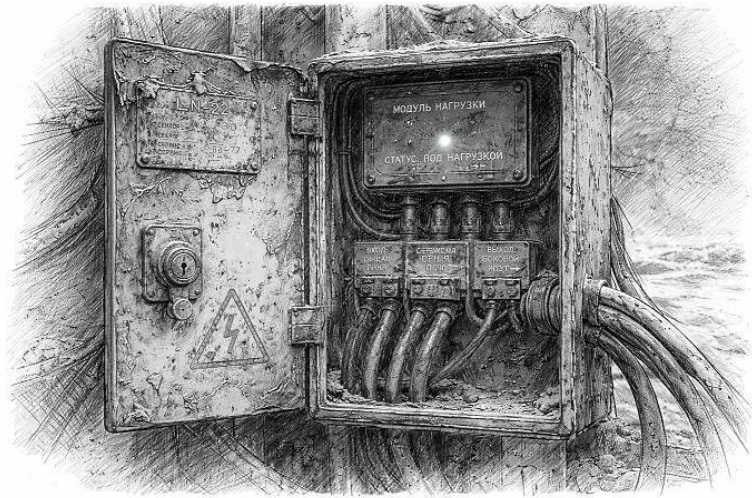
– Ковалёв, – снова вышел Руденко, и теперь в голосе было то натянутое спокойствие, которое мастера включают перед дракой с начальством. – Подходи. Только аккуратно. Видео мне в канал. В шкаф руками не лезь, пока не снимешь картинку и показания по нагрузке.

– Принял.

Он переключил визор на запись и пошёл по ответвлению.

Старая линия тянулась вдоль наружной дуги, почти прижатая к обшивке кольца. Здесь дорожка была уже, крепёж реже, а серый налёт на металле лежал толще. Сюда годами ходили только по особому случаю. Воздух будто менялся даже внутри шлема – вязкий, старый, как в запертом отсеке.

Шкаф оказался старой модели, ещё с механическим замком под сервисный ключ. Краска на дверце облезла, шильдик с номером почти съела коррозия. Сквозь слой пепла всё равно виднелось главное: модуль под нагрузкой, сервисное плечо тянет питание из общей линии, а по боковому жгуту уходит ток куда-то во внутренний карман, где по карте уже много лет числилась пустота.

Артём присел перед шкафом, провёл сканером по корпусу и коротко выдохнул.

Расход был живой. Неровный, ступенчатый, с короткими провалами и подъёмами. Так тянет либо оборудование с плавающим циклом, либо узел, который кто-то включает руками. Для списанного кармана картина выходила слишком бодрой. Для живого адреса – в самый раз.

Он снял крупный план шильдика, показания по нагрузке, маркер линии и отправил запись Руденко.

Ответ пришёл почти сразу. Только чужим адресом.

Доступ к каналу ограничен. Дождитесь инструкций.

– Вот сейчас мне совсем понравилось, – сказал он.

На боковой стенке шкафа под слоем серой пыли проходила узкая царапина. Артём провёл перчаткой, убирая налёт, и увидел едва заметную метку – треугольник, вдавленный в краску старым инструментом.

Служебная отметка внешников.

Так свои помечали живые обходы, о которых в центральных схемах вспоминали пореже. Метка была старой. Очень старой. И кто-то недавно провёл по ней пальцем, снимая пыль.

Артём медленно выпрямился и посмотрел туда, куда уходил боковой жгут – к внутренней стенке кольца, где за пепельной рябью темнел технический карман старого сектора.

По карте там давно была пустота.

По железу – кто-то ещё держал линию.

Или что-то.

В шлеме коротко щёлкнул канал.

– Ковалёв, – сказал незнакомый голос без имени и без привязки к участку. – Отойдите от шкафа на десять метров и ждите группу сопровождения.

– С чего вдруг?

– Это распоряжение диспетчерского контура.

– Тогда назови номер распоряжения.

Пауза.

– Отойдите от шкафа.

Артём посмотрел на зелёный индикатор, на старую метку внешников, на расход, который шёл из пустоты в пустоту,

и почувствовал тот самый щелчок внутри, после которого рабочая смена перестаёт быть обычной.

Он шагнул ближе к дверце шкафа и сказал спокойно:
– Теперь мне точно хочется знать, что тут у вас живёт.

Глава 2. Пыль на карте

Шкаф стоял под пеплом, как старый часовой на забытом посту. Зелёный индикатор горел ровно, боковой жгут уходил к внутренней стенке кольца, а в шлеме Артёма тяжело шуршало дыхание. Ветер тянул серую взвесь вдоль обшивки и сыпал по визору так густо, что дальний край сервисной дорожки временами растворялся в шуме.

Канал щёлкнул.

– Ковалёв, отойдите от узла и ждите группу сопровождения.

Голос шёл сухой, без имени, без привязки к участку, без живой интонации. Так говорили люди, которым важен приказ, а всё остальное давно превратилось в помеху.

Артём присел у шкафа и провёл сканером по шву корпуса.

– На линии висит живая нагрузка, – сказал он. – Сначала я сниму картину, потом поговорим.

– У вас другой порядок действий.

– У меня порядок простой. Живая линия сначала смотрится, потом закрывается.

Сканер выдал новый срез. Вход по общей линии, сервисное плечо, боковой отвод, релейный цикл, температура кон-

тактов. Дальше пошло главное: ток на боковом жгуте шёл ступенями. Всплеск. Пауза. Плавный провал. Снова всплеск. Для списанного кармана ритм получался слишком собранным. Для живого узла – в самый раз.

Артём отключил отправку на служебный канал и перевёл прибор в локальный режим. Ещё один проход. Те же цифры. Те же ступени.

– Е-3, прекратите работу с объектом, – голос на линии стал жёстче. – Ваш маршрут закрыт рамками допуска.

– Маршрут у меня по кольцу. Узел сидит на моём плече. Значит, уже мой вопрос.

Связь оборвалась. Сразу после этого в пепельной ряби впереди мелькнули два силуэта. Идут быстро, плечом к ветру, шаг у обоих уверенный. Артём сунул сканер в крепление, достал сервисный щуп и вставил его в тестовый паз под модулем замка.

Старый стопор отозвался охотно. За дверцей тихо щёлкнул первый фиксатор. На внутренней кромке вспыхнула тонкая диагностическая полоска.

ПИТАНИЕ

РЕЛЕ

ЛОКАЛЬНЫЙ ОТВОД

ВНУТРЕННИЙ ПРИОРИТЕТ

Артём замер на долю секунды.

Внутренний приоритет на мёртвом кармане выглядел как слишком жирная ошибка. Такой флажок ставили там, где за узлом сидит живая функция, а иногда и живые люди.

Он нажал на боковой фиксатор. Дверца сдвинулась на миллиметр и уткнулась во второй замок. Блокировка держалась изнутри.

Изнутри.

Силуэты подошли почти вплотную. Первый – сухой, высокий, с бледным лицом и узким щитком. Второй – плотный, широкоплечий, с тяжёлой посадкой корпуса и усталыми глазами. Оба в облегчённой внешней защите, на плечах знаки диспетчерского контура.

– Техник Ковалёв? – спросил сухой.

– Он самый.

– Отойдите от узла.

– Уже стою в стороне.

Сухой бросил взгляд на индикатор, потом на шильдик, потом на старую метку внешников, проступавшую под слоем пыли. Задержался на ней лишнюю секунду. Артём это заметил сразу.

– Это закрытый сервисный объект, – сказал сухой.

– По карте тут пустой карман.

– Карта обновляется.

– Судя по виду, очень основательно.

Плотный переступил по решётке и посмотрел в сторону

бокового жгута.

– Данные со сканера, – сказал сухой, протягивая руку.

– Основание?

– Внутренний регламент.

– Тогда и живите по нему у себя внутри. У меня внешний сегмент и живая нагрузка на линии.

Сухой шагнул ближе.

– Вы вышли за рамки задачи.

– Я вышел на рабочий узел в выведенном кармане. Разница заметная.

Плотный заговорил впервые. Голос оказался низким, сорванным, с глухой усталостью.

– Ковалёв, без драмы. Узел забираем мы. Ты возвращаешься к маршруту и сдаёшь всё, что снял.

– А потом?

– Потом продолжаешь смену.

– И считаю пепел источником питания?

Сухой резко выдохнул через нос.

– Сканер.

Артём сдвинулся на полшага вбок. Ветер в этот момент швырнул по ним тяжёлую серую волну. Пепел стукнул по стеклу щитков, залепил сапоги, прошёлся по решётке шуршащей метлой. Когда завеса схлынула, Артём успел рассмотреть на левом сапоге плотного светлую пыль с красноватой примесью. Такая крошка встречалась на старых внутренних переходах, где в облицовке ещё жил древний керамический

состав.

Значит, оба пришли как раз оттуда, куда по схеме уходил боковой жгут.

– Выход у вас оттуда, – сказал Артём и кивнул на сапог.

Плотный замер.

Сухой обернулся к нему слишком резко. Вышло с головой.

– Сканер, – повторил он, теперь уже с явным раздражением.

– Сначала ответ. За стенкой кто?

Плотный ответил раньше:

– Там участок под внутренним сопровождением.

– Участок чего?

– Того, что тебя не касается.

– Касается. Питание сидит на моём плече.

Плотный медленно качнул головой.

– Внешка вечно смотрит на мир глазами трубы, клапана и фазы. Тут слой глубже.

– Тогда озвучь его прямо.

Сухой включил планшет и ткнул пальцем в строку формы.

– С этого момента объект под внутренним контролем. Ты сдаёшь запись, маршрутный ключ и возвращаешься к мастеру. Всё, что видел, остаётся в контуре разбора.

– Удобно устроились. Живой узел, внутренний приоритет, замок изнутри, пустой карман на карте. Разбор при этом уходит на меня.

Плотный подошёл ещё ближе. На таком расстоянии Артём увидел след старой стяжки под воротом и мелкую дрожь у мышцы челюсти. Этот человек давно жил на перегрузе.

– Ковалёв, – сказал он тихо. – Возвращайся на линию. Для тебя так спокойнее.

Вот после этой фразы картина собралась ещё плотнее. Слишком знакомо звучал такой тон. Им обычно прикрывали вещи, после которых из отчёта выпадали люди, участки и всякая лишняя правда.

– Для меня или для вас?

Плотный промолчал.

Артём вытащил сканер, погасил экран и показал пустой журнал.

– Ловите. Передача легла в помехах.

Сухой схватил прибор, пролистал последние строки и тихо выругался. Артём заранее сбросил оба среза во внутренний кэш визора, куда служебный журнал уже не добирался.

– Вот и отлично, – сказал он. – Всем сразу легче.

Сухой глянул так, будто с радостью вбил бы его шлем в стенку шкафа, только ситуация требовала другого лица.

– Уходи.

– С удовольствием.

Артём развернулся и пошёл к основному плечу. Решётка глухо отзывалась под ботинками, пепел тёрся о кабель-каналы, поле вдали дышало тяжёлым янтарным светом. На половине пути он всё же бросил взгляд через плечо. Сухой уже

стоял у коробки, плотный снял боковую крышку и полез к жгуту ключом редкого формата. Такие инструменты обычным техникам в руки не попадали.

Когда он вышел на основную дорожку, канал ожил.

– Ковалёв, доклад, – сказал Руденко.

– Узел забрали диспетчерские. Двое. Один сухой, один плотный. По шкафу снял живую нагрузку, внутренний приоритет, второй замок изнутри. По сапогу у плотного – старая красная керамика. Пришли из внутреннего кармана.

В канале повисла короткая тишина.

– Твою же смену, – выдохнул Руденко.

– Именно.

– Маршрут добивай и дуй назад. Шторм ползёт быстро.

– А с карманом?

– С карманом пока хватит и того, что ты увидел. Дальше нужен воздух, свет и нормальная голова. Слышишь меня?

– Слышу.

Артём пошёл дальше по сегменту, хотя мысль уже сидела не на опорах и фазе. Она сидела на карте. На старом кармане. На внутреннем приоритете. На людях из диспетчерского контура, которые рванули к списанному узлу быстрее, чем к просадке поля.

По пути к южному шлюзу он заскочил в локальный пост обслуживания – узкий карман с настенной схемой кольца, аварийным ящиком и полкой для расходников. Ветер как раз вошёл в силу, и короткая передышка под крышей выглядела

подарком.

Внутри стояла привычная тишина старого служебного места. Пыль лежала на ящике с уплотнителями, на ручках шкафчиков, на рамке схемы. Дежурные сюда заглядывали редко. Артём шагнул к стене и окинул взглядом карту внешнего кольца.

Свежая, глянцевая, чистая. Сегменты промаркированы по классам допуска, старые плечи срезаны, транзитный карман между Е-3 и внутренним поясом закрашен серым как выведенный из эксплуатации.

В нижнем углу под прозрачной крышкой торчал тонкий

шероховатый край. Бумага. Старая, сухая, чуть темнее свежего листа.

Артём сдвинул защёлку, поднял крышку и потянул край на себя.

Под новой схемой лежала старая карта.

Выцветшая, с потемневшими сгибами, с ручными пометками по краям и с печатью службы кольца. Тот самый карман на ней выглядел живым участком: боковой сервисный ход, буферный отсек и внутренний переход с индексом **К-22 / Внутр. карман.**

Чуть ниже кто-то карандашом вывел треугольник и короткую пометку:

ЖИВАЯ ВЕТКА. ДЕРЖАТЬ ВРУЧНУЮ

Артём стоял с листом в руках и чувствовал, как внутри поднимается ровный злой холод.

Под новой картой лежала старая.

Он быстро снял схему на визор, перевернул лист и увидел на обороте полустёртый штамп службы кольца. Дата восьмилетней давности. Значит, карман вычеркнули позже. Гораздо позже. Чьи-то руки закрыли один план другим и решили, что пыль доведёт работу до конца.

В дальнем конце поста щёлкнул замок входной двери.

Артём мгновенно вернул старую карту под рамку, опустил крышку и шагнул к полке с фильтрами.

Внутрь ввалился молодой техник с насосного плеча, схватил герметик и бросил быстрый взгляд в сторону Артёма.

– Как там на кольцо?

– Весело.

– По северу щитки уже свистят.

– Значит, к вечеру станция снова захочет чужую кровь.

Парень фыркнул, сунул тюбик в карман и ушёл обратно в пепельную муть.

Артём ещё секунду стоял у полки, потом выдохнул и вышел на дорожку. Поле впереди садилось глубже, команды в канале шли чаще, где-то вдали уже просили перераспределение по воздуху. Колония тяжело входила в новый режим, как старый двигатель на грязном топливе.

Он почти дошёл до южного шлюза, когда визор тихо пискнул.

Внутренний кэш завершил сборку скрытого пакета со шкафа двадцать два. На экране всплыла служебная строка анализа, которую журнал сканера уже успел срезать.

ПОЛУЧАТЕЛЬ НАГРУЗКИ: КАРМАН ВН-22

СТАТУС ПО ВНЕШНЕЙ СХЕМЕ: ПУСТО

СТАТУС ПО ЛОКАЛЬНОМУ ОТВЕТУ: ЕСТЬ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Ниже тянулся обрезанный хвост пакета. Всего два слова.

...РЕЖИМ ОБИТАНИЯ

Артём остановился так резко, что ботинок с лязгом встал поперёк решётки.

Гул станции, визг ветра, пыль по стеклу, мат в каналах – всё на миг ушло куда-то вглубь.

Пустой карман по схеме. Живой отклик по железу. Режим обитания в локальном пакете.

Он медленно поднял голову и посмотрел туда, где за серой стеной лежал К-22.

Карты ввали. Железо помнило.

Теперь у него в руках была первая нитка. Дальше тянуть придётся до конца.

Глава 3. Тихий перерасход

Южный шлюз принял Артёма тяжёлым металлическим вздохом. Наружная створка встала на место, уплотнение дало по полу короткую дрожь, и тамбур медленно наполнился сухим воздухом техпояса. В шлеме стих вой ветра. Вместо него пришёл знакомый фон станции – гул насосов, скрип старых направляющих, далёкий рёв магистральных вентиляторов.

РЕСУРС ФИЛЬТРА – 34%

РАБОЧЕЕ ОКНО ЗАКРЫТО

ВОЗВРАТ В ПОЯС ПОДТВЕРЖДЁН

Артём снял шлем, стряхнул с воротника серую крошку и шагнул к внутренней двери. Пепел въедался всюду: в ткань, в смазку, в суставы дверей, в людей. Колония жила внутри камня, а дышала этой дрянью каждый час.

У двери его уже ждал Руденко. Мастер стоял, упершись

ладонью в стену, и жевал пустой край сигаретной бумажки. Настоящий табак на кольце давно стал роскошью, а привычка пережила половину снабженческих срывов.

– Сюда, – бросил он сразу. – В общий зал зайдём позже.

– Там уже шумно?

– Там уже диспетчерский базар и два запроса сверху. Сначала хочу услышать тебя без лишних ушей.

Они свернули в боковой карман – тесную комнату старого техконтроля, где когда-то сидела локальная смена кольца. Теперь тут лежали расходники, списанные планшеты и два уцелевших терминала. Один давно умер. Второй работал с капризом, зато помнил старые ходы.

Руденко закрыл дверь, включил локальную глушилку и кивнул на стол.

– Выкладывай.

Артём сел, разложил на столе сервисный ключ, сканер поля, планшет допуска и открыл внутренний кэш визора. На экране сразу всплыл скрытый пакет со шкафа двадцать два.

ПОЛУЧАТЕЛЬ НАГРУЗКИ: КАРМАН ВН-22

СТАТУС ПО ВНЕШНЕЙ СХЕМЕ: ПУСТО

СТАТУС ПО ЛОКАЛЬНОМУ ОТВЕТУ: ЕСТЬ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

...РЕЖИМ ОБИТАНИЯ

Руденко прочитал строки, медленно выпрямился и тихо выдохнул.

– Вот это уже другая музыка.

– Ага.

– Схему старую нашёл?

– Под новой картой на посту. Внутренний карман, буферный отсек, боковой ход. Пометка карандашом: живая ветка, держать вручную.

Руденко ткнул пальцем в экран.

– Сохранил?

– Уже в трёх местах. Визор, планшет, локальный модуль.

– Грамотно.

Он прошёлся по тесной комнате, зацепил плечом короб с кабелями и сразу вернулся к столу.

– Сейчас посмотрим, на чём вся эта история держится.

Он сел к старому терминалу. Экран оживал медленно, с белыми полосами, зелёным шумом и рваным хрипом старой системы. Такие машины на кольце держали по одной причине: новые журналы шлифовали следы слишком чисто, старые любили память и упрямство.

Руденко вбил локальный допуск службы кольца, потом старый внутренний маршрут к энергетическому журналу. На третьем шаге система дёрнулась и выдала отказ.

– Уже знакомый тон, – сказал Артём.

– Подожди.

Руденко полез глубже – через сервисный обход, через локальный кэш, через зеркальный буфер. Терминал поморгал, подумал и вдруг пропустил их в архив суточных балансов.

На экране повисла грубая таблица: сектора, опоры, фильтрация, поле, насосные, жилые карманы, аварийные резервы. Цифры шли ровными колонками.

Руденко ткнул в общий расход.

– Смотри сюда.

Артём подошёл ближе.

По официальному балансу картина выглядела терпимо. Поле взяло лишнего, фильтрация подняла нагрузку, восток запросил добавку, запад сидел на экономии, насосная держалась на грани. Обычный штормовой день для колонии.

Только внизу висел тонкий хвост, который утопили под общим коэффициентом.

КОМПЕНСАЦИОННАЯ ПОПРАВКА ПО ВНУТРЕННЕМУ КОНТУРУ

3.7%

Руденко открыл расшифровку. Вместо адресов всплыли серые поля и набор технических индексов.

– Вот он, тихий перерасход, – сказал мастер. – Три и семь процента уходят в серый контур, а потом сходятся как технологическая поправка.

– На чём держат?

– Сейчас увидим.

Он ткнул глубже в пакет и вышел на старый сервисный слой, где система ещё любила прямые адреса. Экран моргнул. Часть строк загорелась красным, часть осталась живой.

ВН-22

БУФЕР К-19

**РЕЗЕРВ ФИЛЬТРАЦИИ / ВОСТ. КАРМАН
КОРРЕКЦИЯ КЛИМАТА / СЕРЫЙ КОНТУР
ЛОКАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ОБИТАНИЯ**

Артём молча смотрел на список.

Официальная схема говорила: выведено, законсервировано, пусто. Старый журнал отвечал иначе. Там шла жизнь. Причём жизнь дорогая: воздух, климат, питание, релейная коррекция.

– Сколько людей тянет такой контур? – спросил он.

Руденко почесал висок.

– По одному ВН-22 мало скажешь. Если там буфер, филь-

трация и поддержка климата, значит, кто-то живёт долго. День или два такой узел кормить смысла мало. Тут месяцы, а может и годы.

– Значит, кто-то давно рисует поверх старой схемы новый мир.

– Угу.

Руденко вывел общий график за месяц. Линия нагрузки шла рвано, зато закономерно: каждый сильный фронт поднимал расход поля и фильтрации, а компенсационная поправка в те же часы тоже росла. Словно колония в тяжёлый момент подкармливала скрытые карманы из общего баланса.

– Это уже схема, – сказал Артём. – Ручная схема.

– Именно.

– Кто-то держит скрытые карманы вживую и кормит их из общего кармана.

– И маскирует хвост технологической поправкой.

Артём остановил график на последнем пике.

– Тут рост почти на процент.

– Вчерашний вечер, – сказал Руденко. – Восток просил усиление по полю. Запад резал климат. Фильтрация тоже поднялась. А серый контур взял свой кусок сверху.

– Значит, колония уже живёт в долг.

Руденко обернулся на него.

– Именно это я и хотел услышать.

Он откинулся на спинку стула и потёр ладонью лицо.

– Смотри. Один скрытый карман система ещё прожует.

Два тоже, если держать экономию и молиться на погоду. Только у нас в списке уже несколько адресов, плюс резерв по фильтрации, плюс коррекция климата. Кто-то давно кормит то, чего на карте уже как бы нет.

– Тогда другой вопрос, – сказал Артём. – Если сверху про это знают, почему просто не вырежут старые ходы, шкафы и буферы к чёрту? Физически. Раз и навсегда.

Руденко посмотрел на него так, будто ждал этой реплики раньше.

– Потому что станция уже давно живёт на старом железе сильнее, чем признаёт в отчётах. Срежешь архивные плечи – потеряешь часть обходов по полю. Заглушишь буферные узлы – климат начнёт ловить провалы на пике. Добьёшь старые сервисные ветки – фильтрация и насосные останутся без половины ручных резервов. На бумаге это всё давно мёртвое. По факту на этом хламе держится кусок востока.

Он ткнул маркером в схему.

– Потому что станция уже давно живёт на старом железе сильнее, чем признаёт в отчётах. Срежешь архивные плечи – потеряешь часть обходов по полю. Заглушишь буферные узлы – климат начнёт ловить провалы на пике. Добьёшь старые сервисные ветки – фильтрация и насосные останутся без половины ручных резервов. На бумаге это всё давно мёртвое. На этом хламе до сих пор держится кусок востока.

– Значит, старую инфраструктуру держат не из бардака, – сказал Артём. – Её держат, потому что без неё всё посып-

лется быстрее.

– Именно, – ответил Руденко. – Они давно уже не управляют станцией как новой машиной. Они подпирают развал старыми костылями и молятся, чтобы никто не включил свет.

– Любой шторм даёт просадку.

– Любая серьёзная просадка даёт выбор, кому жить ровнее.

В комнате повисла тишина. Старый терминал тихо трещал вентилятором. За стеной кто-то катил ящик по коридору, металл скулил по металлу. Колония работала, как всегда. Именно это бесило сильнее всего. Вокруг шёл обычный день, а под ним сидела дырявая схема, собранная поверх людей.

Руденко снова полез в журнал.

– Хочу ещё кое-что проверить.

Он вышел на блок климатического баланса. Там картина получилась ещё хуже.

По официальной сетке жилые сектора держали штатную температуру. Восток сидел на нижней границе допуска. Запад на средней. Центральный блок получал мягкий бонус по воздуху и влажности. Всё выглядело как обычная приоритизация.

Под служебной маской скрывалась другая таблица.

Часть воздуховодов давала приток в карманы без адреса. По климату их сводили как инерцию контуров. Через эти линии кто-то дышал.

Артём ткнул в одну из строк.

– Сколько уходит сюда?

– По дню – мелочь. По месяцу – уже хороший объём.

– Значит, там люди. Живые. И давно.

Руденко кивнул.

– Живые или очень ценный груз. Только режим обитания говорит сам за себя.

Он помолчал, потом стукнул костяшкой по столу.

– Теперь следующий вопрос. Кто знает про это сверху и сколько кругов вокруг темы уже намотано.

– Диспетчерский контур точно в курсе.

– Это ясно. Меня интересует слой выше.

Артём вспомнил сухое лицо, шлифованный голос на канале, торопливую группу сопровождения, стянутую к двадцать второй линии быстрее, чем к просадке поля.

– Слой выше уже рисует карты.

– Тоже верно.

Дверь кармана тихо звякнула. Оба сразу повернули головы.

– Кто там? – спросил Руденко.

– Илья, – донёсся голос из коридора. – У вас восточный запрос снова горит. Диспетчерская орёт как резаная. Пускать?

Руденко быстро свернул журнал до обычной схемы.

– Минуту.

Он дождался, пока шаги Ильи уйдут дальше по коридору, и снова обернулся к Артёму.

– У нас мало времени. Шторм поджигает, а эти сверху уже чувствуют, что ты успел снять лишнее.

– Значит, надо смотреть шире.

– Именно. Вопрос давно вышел за пределы одной коробки.

Артём снова посмотрел на таблицы.

Скрытые карманы. Климатические хвосты. Компенсационная поправка. Общий перерасход. Всё вместе складывалось в простую и злую картину: колония жила на остатке ресурса, а кто-то сверху давно вёл двойную бухгалтерию – для схемы и для реальности.

– Сколько у нас запаса по полю? – спросил он.

– На этот фронт? Часа три без красоты. Потом начнём кромсать по сегментам.

– А если серый контур снова поднимет хвост?

– Тогда кому-то урежут воздух, кому-то свет, кому-то маршрут. Машина выберет приоритет и пойдёт по нему.

Артём медленно выпрямился.

– Такие контуры рождаются в руках людей.

– Конечно. Тут человеческие руки.

Руденко подошёл к стене, взял со старой полки маркер и быстро начертил на пластике схему: внешнее кольцо, внутренний пояс, скрытые карманы, фильтрация, климат, центральный блок.

– Смотри. Вот общий баланс. Вот поле. Вот фильтрация. Вот скрытые адреса. Пока расход тихий, всё живёт. При

фронте все просят сверху. Тогда лишний хвост снимают с открытых линий и кидают туда, где на карте пусто. Почему? Потому что там шума меньше. Люди с открытых секторов орут сразу. Карманы за стеной молчат.

Артём смотрел на рисунок и чувствовал, как внутри растёт тяжёлая, спокойная ярость.

– А потом в отчёте пишут технологическую коррекцию.

– Именно.

– И если что-то рвётся, крайним идёт внешка, фильтрация или погодный фронт.

– У нас любая правда любит рабочую спецовку. Так удобнее.

Из коридора снова донёсся голос Ильи:

– Руденко, живо! Восток просит переброс, центральные упёрлись. У нас уже свист по четвёртой шине!

– Иду! – рявкнул мастер.

Он быстро сгрёб со стола служебные записи, кинул Артёму старый пластиковый накопитель.

– Держи.

– Что на нём?

– Суточный баланс и хвост серого контура. Кидай копии куда сможешь, только с головой. Один носитель оставляю у себя. Второй у тебя. Третий нужен где-то вне кольца.

– У кого?

– Сначала найдём человека, который ещё умеет смотреть на цифры без команды сверху.

Они вышли в зал.

Там уже кипело. На главной консоли мигали запросы во-стока, поле на внешнем сегменте уходило в янтарный провал, фильтрация просила приоритет по мощности, а на верхнем канале диспетчерский голос ровным тоном объяснял всем сразу, что баланс сводится в пределах штатной схемы.

Артём на секунду задержал взгляд на карте кольца.

Чистая. Глянцевая. Спокойная.

Под этой красотой уже шла совсем другая жизнь.

Руденко встал к консоли и рявкнул на Илью:

– Поднимай четвёртую шину через старый байпас! Быстро!

– Держу!

Артём подошёл к вспомогательной панели и увидел, как по общему расходу снова пошёл тонкий серый хвост. Компенсационная поправка поднялась с 3.7 до 4.1.

Шторм только входил в силу.

Система уже начала кормить скрытые карманы сильнее.

– Руденко, хвост пошёл вверх.

Мастер мельком глянул на экран и сжал зубы.

– Вижу.

– Значит, там тоже шторм.

– Или там сидит что-то, что для них важнее открытого сектора.

Верхний канал снова ожил. Тот самый сухой голос, который Артём слышал у двадцать второй линии, вошёл в общий

зал с ледяной вежливостью.

– Кольцо, внимание. Все перераспределения вести строго по обновлённой схеме. Любые обращения к архивным контурам считать нарушением порядка.

Артём медленно поднял голову.

Теперь голос шёл уже в общий эфир. Значит, тема вышла за пределы одной коробки и одного техника.

Руденко тоже это понял. Они встретились глазами через шумный зал.

Сухой голос продолжил:

– Отдельно для сектора Е-3. Технику Ковалёву после завершения текущей смены явиться в диспетчерский контур для служебного опроса.

Илья обернулся от панели:

– Ты чего там опять раскопал?

Артём смотрел на чистую карту, на серый хвост перерасхода, на ровные строки официальной схемы и чувствовал, как внутри окончательно встаёт одно простое знание.

Опрос им требовался для формы. Настоящий интерес сидел глубже.

Кто-то сверху понял, что внешка увидела лишнее.

Значит, следующий ход придётся делать раньше, чем шторм доберётся до главного узла.

Глава 4. Люди за глухой стеной

Вызов в диспетчерский контур повис над залом, как тон-

кая удавка.

Люди у консолей сделали вид, будто заняты только шинами, байпасами и криком востока по полю. У каждого на станции был свой способ жить рядом с чужой бедой и делать вид, что это просто часть смены. Илья сильнее вжал ладонь в панель. Девчонка с фильтрации отвела глаза в экран. Кто-то у дальней стойки слишком шумно захлопнул крышку ящика с разъёмами.

Артём смотрел на карту.

Чистая, глянцевая, правильная. Сегменты на ней жили спокойной служебной жизнью. А станция уже резала воздух, подкармливала скрытые карманы и кормила серый контур из общего баланса.

Руденко оторвал взгляд от консоли и бросил коротко:

- После смены к ним не суйся.
- Они уже объявили время и место.
- Потому и говорю.

Артём подошёл ближе. Общий расход полз вверх. Компенсационная поправка по серому контуру держалась на 4.1 и медленно лезла выше.

– У них приоритет по ВН-22, – сказал он. – Значит, карман для них важен.

– Значит, важен.

– Тогда вопрос пора задавать не только про железо.

Руденко кивнул один раз. Этого хватило.

– Есть старый проход вдоль внутренней стены кольца, –

сказал он. – Когда-то через него гоняли смену к буферному поясу. Потом маршрут срезали новой схемой. Формально ход мёртвый. Дверь там ещё жива, если узел не спилили до конца.

– Где вход?

– Под северным сервисным постом, ниже дренажной рампой. Спуск по лестнице, потом глухой коридор до перегородки. Дальше сам смотришь по месту. Только быстро. Шторм разгонит зал по сегментам минут через сорок.

– А ты?

– Я останусь тут и буду держать видимость обычной смены. Если кто спросит – ты пошёл посмотреть четвёртую шину. Илья, стоявший рядом, даже головы не повернул.

– Четвёртая шина у меня, – буркнул он.

– Теперь у вас обоих, – отрезал Руденко.

Он вытащил из бокового ящика короткий механический ключ на старом кольце и сунул Артёму.

– От нижней двери. Замок капризный, любит второй щелчок. Сразу за дверью держись правой стены. Левая секция когда-то ловила воду с дренажа.

– Когда-то?

– Сейчас она ловит всё подряд.

Артём кивнул, сунул ключ в карман и забрал со стола плоский фонарь, сервисный шуп и один запасной фильтр.

– Если я найду там людей?

– Тогда вернёшься уже с другим лицом.

– А если найду только мёртвый карман и хорошую ложь? Руденко посмотрел на карту, потом на общий расход.

– Хорошая ложь у нас уже висит на стене. Давай что-то посвежее.

Артём двинулся к боковому выходу. За спиной снова ожил верхний канал. Тот же сухой голос отдавал станции ровные, чистые, убийственно спокойные команды:

ПРИОРИТЕТ ПОЛЯ / ВОСТОЧНЫЙ СЕГМЕНТ

КОРРЕКЦИЯ КЛИМАТА ПО ОБНОВЛЁННОЙ СХЕМЕ

АРХИВНЫЕ ХОДЫ И ОБВОДЫ В РАБОТУ НЕ ВВОДИТЬ

Вот после таких строк станция обычно и начинала пахнуть настоящей бедой.

Северный сервисный пост встретил его полумраком и железным сквозняком. Здесь уже редко держали дежурного. В углу стояли пустые короба, вдоль стены тянулся старый жгут кабеля, на полу лежали полосы пыли. Артём быстро спустился по лестнице на уровень ниже, прошёл мимо дренажной рампы и нашёл дверь почти сразу.

Сталь на ней вспухла от времени. Маркировку съела коррозия. Из-под облупленной краски ещё читался старый индекс: **СЛУЖЕБНЫЙ ПЕРЕХОД / ВНУТР. ПОЯС.**

Ключ вошёл туго. Первый щелчок прозвучал сухо. Второй

– глухо, с усилием. Руденко помнил этот замок правильно.

Дверь отлипла от рамы с тяжёлым шорохом.

Изнутри дохнуло старой влагой, стоячим воздухом и пылью, которую годами никто не тревожил. Артём поднял фонарь и вошёл внутрь.

Коридор шёл узкий, низкий, почти без служебной разметки. Лампы под потолком давно умерли. Свет фонаря цеплял ребристые стены, ржавые болты, трещины на старых коробах. Справа тянулась глухая обшивка внешнего кольца. Слева лежала внутренняя стена – толстая, грубая, собранная ещё на первых этапах стройки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.